

РАБОТА ПУШКИНА НАД СЛОВОМ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

*

В. А. Плотникова
(Москва)

В своем капитальном труде «Язык Пушкина»¹, как и в ряде других исследований, В. В. Виноградов уделил много внимания и места проблеме слова в поэтическом творчестве Пушкина. Мы хотели бы предложить в этой связи несколько наблюдений, свидетельствующих об упорной работе Пушкина над словом на разных этапах создания стихотворения.

Сопоставительный анализ лексики вариантов и основных текстов произведений Пушкина дает очень интересный материал как для историка литературного языка начала XIX в., так и для исследователя поэтического мастерства Пушкина. Слова, сочетания слов, стиховые строки и целые строфы, отвергнутые Пушкиным в процессе работы, свидетельствуют о большой требовательности поэта к слову как к средству поэтического выражения. В данной статье мы остановимся на отдельных словах и сочетаниях слов черновых вариантов произведений Пушкина (не вошедших в основной их текст) и попытаемся выяснить языковые причины авторского отказа от их употребления.

В процессе творческой работы Пушкин последовательно исключал из своих текстов некоторые славянизмы в их прямых значениях, к началу XIX в. уже устаревших, хотя переносные их значения продолжали употребляться в литературном языке того времени, особенно в поэзии. Так, например, в окончательном тексте стихотворения «Анчар» опущено определение *гладный*², отмеченное в одном из черновых набросков стихотворения:

Отдельный набросок

К нему не ходит *гладный* тигр
Над ним орел не пролетает (III, 698)

Окончательный текст

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — (III, 133).

В черновиках пятой главы «Евгения Онегина» встречается употребление существительного *зерцало*³: «—И выходит Татьяна в сени — и наводит На неподвижную луну *Зерцало*» (VI, 384, сн. 7а). В последующих набросках, как и в окончательном тексте, употребляется только слово *зеркало*: «Татьяна в сени и наводит На месяц *зеркало*» (там же, сн. 8); ср. в окончательном тексте — «На месяц *зеркало* наводит» (VI, 101).

¹ В. Виноградов. Язык Пушкина. Academia, М.—Л., 1935.

² В прямом значении прилагательное *гладный* отмечено только в лицейском стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815); в метафорическом употреблении оно выступает в стихотворении «Как с древа сорвался предатель ученик» (1836). В тексте статьи даются ссылки на издание: Пушкин. Полное собрание сочинений, Изд-во АН СССР, 1937—1949 (римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

³ В основном тексте произведений зарегистрированы только переносные употребления этого слова; см.: Словарь языка Пушкина, т. II. М., 1957, стр. 135 (т. I, 1956; т. III, 1959; т. IV, 1961); далее сокращенно: Словарь (том и страница указываются соответственно римской и арабской цифрами).

Пушкин устраняет из стихотворения «К вельможе» слово *мраз*⁴; в окончательном тексте первому стиху чернового автографа этого стихотворения — «От *мразов* северных освободив эфир» (III, 805) соответствует стих — «От северных оков освобождая мир» (III, 217).

Беловой автограф четверостишия «Отрок» сохраняет еще употребление славянизма *мрежа* в прямом значении 'рыболовная сеть, невод', оставленном в окончательном тексте только в метафорическом употреблении.

Беловой автограф
Мрежи рыбак расстилал по
брегу студеного моря
Отрок отцу помогал. Отрок,
оставь рыбака (III, 846)

Окончательный текст
Невод рыбак расстилал
по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок,
оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают,
иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь
помощник царям (III, 241)

В данном случае отказ от употребления слова *мрежа* в первом стихе и замена его русским синонимом *невод* особенно показателен еще и потому, что противопоставление прямого и иносказательного планов, на котором построено поэтическое содержание четверостишия, допускало сохранение и в первом стихе слова *мрежа*. Кроме того, на различие двух употреблений этого слова указывает оставшееся без изменения в окончательном тексте определение *иные* («*мрежи* *иные* тебя ожидают»), несомненно противопоставленное *мрежам* первого стиха⁵.

Пушкин отказывается от употребления глаголов *воздвигнуть* и *воздвигнуться* в их прямых значениях⁶. Варьирующиеся в черновике «Руслана и Людмилы» наброски 161 стиха третьей песни — «И видит в поле здесь и там Костей *наброшенные* горы» (IV, 227) и «Костей *воздвиглись* [. . .] *горы*» (там же, сн. 9а) — в окончательном тексте заменены стихом «Вдали все пусто; здесь и там Желтеют кости» (там же, 41).

Бесследно исчезает, не будучи заменен синонимичным глаголом, и глагол *воздвиглись* в набросках пятой главы «Евгения Онегина». Стих «Пред нею лес — *воздвиглись* сосны» (VI, 387, сн. 76) уступает место стиху — «Пред ними лес — *недвижны* сосны» (там же, 387), повторенному и в основном тексте (см. там же, 103).

В приведенных выше случаях мы сталкиваемся не с чисто лексической заменой. Необходимость в слове *воздвиглись* («Руслан и Людмила») исчезла с отказом Пушкина от гиперболы — *гора костей*. Архаичность и высокость слова *воздвиглись* оказалась неуместной в описании пейзажа в «Евгении Онегине»; само появление *воздвиглись* в стихе было, по-видимому, связано и с поисками наиболее «полной» рифмы к концу стиха —

⁴ В произведениях Пушкина отмечено только одно употребление слова *мраз* в стихотворении «Приметы» (1821); метафорическое употребление слова *мраз* у Пушкина не отмечено.

⁵ Возможно, что не только архаическое значение слова *мрежа* было решающим в данной замене, но и стремление подчеркнуть смысловое и композиционное противопоставление противопоставлением лексико-стилистическим. В этих целях *мрежи* в первом стихе уступают место *неводу*, а *отрок* — второго стиха — *мальчику*. Видимо, в этих же целях лексически «опрощен» и вместе с тем лишен конкретизации весь четвертый стих:

Будешь <i>ловитель</i> умов,	Будешь <i>умы</i> уловлять,
будешь <i>подвижник</i> Петру	будешь <i>помощник</i> царям
(III, 846)	(III, 241)

⁶ В основных текстах отмечено только по одному употреблению названных глаголов в этих значениях (см. Словарь, I, 324).

⁷ Здесь пропуск.

«Кряхтя валит медведь несносный». Отказавшись от стиха «Пред нею лес — белеют сосны» (VI, 387, сн. 7а), Пушкин вводит стих «Пред нею лес — воздвиглись сосны» (ср. выше — *медведь несносный*) и, наконец, заменив его стихом «Пред ними лес — недвижны сосны» (там же, 387 и 103), достигает наибольшего мелодического и стилистического единства.

В поисках наилучшего выражения Пушкин в стихотворении «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью», 1835), в тексте которого употребление славянизмов не составляет исключения (см. *приял, се, древеса, исторженные*), отказывается от архаического и высокого *воздвигнулись* в пользу просторечного *навалены*. См. последовательные замены в перебеленном автографе и в окончательном тексте стихотворения:

Перебеленный автограф:

- 1) Его рукой они (*пни*. — В. П.) Подожжены и се—пылают. Он всходит (III, 964).
- 2) а) Его рукой они В костер *воздвигнуты*. С огнем Алкид всходит (там же).
- б) Его рукой они В костер *воздвигнулись*. Он их зажег он всходит (там же).

Окончательный текст:

его рукой они В костер *навалены*; он их зажег; он всходит (там же, 382).

В вариантах наблюдается еще одно употребление глагола *воздвигнуться*: в черновом автографе стихотворения «Кинжал» — «*Воздвигся Брут вольнолюбивый*» (II, 647). Соглашаясь стилистически с пафосом четверостишия, отвечая полностью требованиям противопоставления (см. «Сенат и Рим у ног Фортуны горделивой — *Воздвигся Брут вольнолюбивый*» — там же, 646, сн. 11 м), глагол *воздвигся* не передавал необходимого оттенка значения — ‘подняться против кого-нибудь’. В окончательном тексте стихотворения «Кинжал» глагол *воздвигся* заменен глаголом *восстал*⁸, удовлетворившим все требования содержания и стиля: «Державный Рим *упал*, главой *поник* Закон; Но Брут *восстал* вольнолюбивый» (там же, 173).

При отказе от употребления какого-нибудь слова большую роль могло играть стилистическое несоответствие сочетающихся слов. Так, причастие *падший*, образованное от глагола *пасть* в основном его значении ‘свалиться вниз под действием своей тяжести’, редко выступало в качестве определения при предметах, по-видимому, оно было для них ‘высоко» (в этих случаях «проще» были бы определения *падающий* и *упавший*). В окончательных текстах Пушкина отмечено 10 случаев употребления причастия *падший* (в указанном основном значении), из них четыре в значении существительного, а из шести оставшихся употреблений — три переносных. Только в трех случаях причастие *падший*, выступая в качестве определения, характеризует предметы. Это — *падшая урна* в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы» (1821), *падшее зерно* — в третьей главе «Евгения Онегина» и *падшие стены* в метафорическом тексте⁹ «И мы о камни *падших стен*» (т. е. «о камни побежденных в бою крепостей») стихотворения «Графу Олизару» (1824).

В вариантах представлено еще три употребления причастия *падший*, от которых в процессе работы над текстом Пушкин отказался совсем или сохранил, но в другом (не в основном) значении. Так, в набросках первой главы «Евгения Онегина»: «Двойные фонари карет — [Веселый] разливают свет И блеск на [*падший*] снег наводят» (VI, 236). В окончательном

⁸ Глагол *восстать* в данном метафорическом значении употреблен у Пушкина 10 раз (Словарь, I, 365).

⁹ Употребление сочетания *падшее зерно* тоже не является стилистически нейтральным, так как находится в составе следующего сравнения: «Пора пришла, она влюбилась. Так в землю *падшее зерно* Весны огнем оживлено» (VI, 54). Таким образом, единственным стилистически нейтральным является сочетание *падшая урна*.

тексте этому соответствуют строки: «Двойные фонари карет Веселый изливает свет И радуги на снег наводят» (там же, 16). После ряда произведенных замен Пушкин так и не включает в окончательный текст стихотворения «Осень» следующего описания, имеющегося в черновиках: «Люблю *падающий* лист» (III, стр. 925); «*Упавшего*¹⁰ листа люблю благоуханье» (там же, 926), «И *падшего* листа люблю благоуханье» (там же, сн. 1г), «Шум *падшего* листа, его благоуханье» (там же, сн. 5 б); «И *падших* листьев <шум> — и первых бурь дыханье» (там же, 927). В вариантах беловой редакции еще сохраняется стих «И листья *падшие*, и первых бурь дыханье» (там же, 936), которому в окончательном тексте соответствует стих «В их сених ветра шум и свежее дыханье» (там же, 320). Наибольший интерес представляет третий случай употребления слова *падший*. В вариантах третьей песни «Полтавы» трупы на поле боя после полтавского сражения сравниваются с роем опустившейся саранчи: «И следом конница пустилась Убийством тупятся мечи И трупами вся степь покрылась Как роем *падшей* саранчи» (V, 289—290) или «Как стаяй *падшей* саранчи» (там же, 290, сн. 2). Но причастие *падший*, определявшее названия предметов или людей, очевидно, стилистически не согласовалось с определяемым *саранча*; кроме того, возникавшие ассоциации с сочетаниями *падший человек*, *воин* и т. п. усиливали это несоответствие. В окончательном тексте содержание данного четверостишия при, казалось бы, несущественной¹¹ замене значительно изменилось: «И следом конница пустилась, Убийством тупятся мечи И *падшими* вся степь покрылась Как роем черной саранчи» (V, 59). Сравнение сохранено и уточнено, причем слово *падший*, выступая в одном из своих наиболее употребительных значений¹², не нарушает уже стиля повествования.

В работе над текстом Пушкин отказывался не только от употребления отдельных слов, но и от целых сочетаний (часто перифрастических), заменяя их в зависимости от характера вносимых изменений или другим перифрастическим сочетанием, или отдельным словом, или новым развернутым сравнением. Если при отказе от употребления того или иного слова часто играла значительную роль его архаичность, то в отказе от перифрастического сочетания — собственно поэтического средства — немаловажное значение принадлежало смысловой «совместимости» или «несовместимости» сочетающихся понятий-слов. В этом отношении интересна судьба второго четверостишия стихотворения «Я пережил свои желанья». В вариантах А и Б белового автографа стихотворения и печатного текста 1823 г. («Новости литературы», кн. VI, № 48, стр. 144) стихи 5—6 этой элегии читаются: «Безмолвно жребию послушный *Влачу страдальческий венец*» (II, 642), где *страдальческий венец* выступает как поэтическая замена слова *страданье*, а все сочетание *влачу страдальческий венец* воспринимается как поэтическая замена слова *страдать*. В дальнейшем Пушкин заменяет перифразу иносказанием, выраженным без посредства языковых метафор: «Под бурями судьбы жестокой *Увял цветущий мой венец*» — (II, 165). По-видимому, одной из причин подобной замены было и «неудобство» сочетания *влачить венец*.

В основном корпусе «Словаря» отмечен ряд переносных употреблений слова *влачить* (см. Словарь, I, 300), но во всех случаях это слово сочетается или с метафорически употребленными словами *цепи*, *груз*, *оковы*,

¹⁰ Употребление причастия *упавший* еще более редко, чем причастия *падший* (см. Словарь, IV, 713—714).

¹¹ С подобными «несущественными» изменениями мы постоянно сталкивались при работе над вариантами поэтических произведений Пушкина. Так, казалось бы, незначительное изменение стиха белового варианта стихотворения «Поэту» — «Как царь живи один» (III, 827) на «Ты царь: живи один» (III, 223) совершенно изменило смысл и поэтическую силу образа. Причем в результате этой замены существительное *царь* выступило уже не в прямом, а в метафорическом значении.

¹² См. Словарь, глагол *пасть*, 4-е значение (III, 282).

бремя, или со словами *часы, дни, век*, или, наконец, со словами, называющими такие тягостные или обременительные состояния, как *разлука, лень, уныние* (последнее — в вариантах). Вполне возможным, по-видимому, могло быть и сочетание *влачить страданье*. Очевидно, стойкости объединения *влачить венец* даже в том случае, когда слово *венец* обозначало страдание, муку (а сочетание *влачить страданье* мы только что признали возможным), препятствовала реальная несовместимость понятий *влачить* и *венец*, их смысловая несочетаемость.

При метафоризации слова, несомненно, значительную роль играют те ассоциации, которые вызывает реальное, прямое значение слова. Так, значение слова *влачить* предполагает наличие предметов, которые можно тянуть, тащить, волоча при этом по земле или по любой другой поверхности: это — цепи, груз, оковы и т. п., но не венок или венец. Нелепость реального образа «влачащегося венца», по-видимому, была настолько велика, что оказалась сильнее поэтического образа и не дала возможности этому сочетанию попасть в ряды поэтических перифраз¹³.

Подобное «вторжение» реальных представлений и их «давление» на поэтическую фразеологию можно наблюдать и в других случаях.

Прямое значение глагола *глотать* связано или с представлением о медленном (глотками) процессе еды, питья или, наоборот, с представлением об очень быстром процессе (проглатывать быстро, не разбирая). Поэтому у глагола *глотать* не могли развиваться метафорические значения, выражающие удовольствие, получаемое от чего-нибудь, наслаждение чем-нибудь, которые характеризуют, например, метафорические употребления глаголов *вкусить — вкушать, упиться*¹⁴ и некоторых других.

Невозможность передачи глаголом *глотать* подобных метафорических значений сказалась на судьбе сочетания *глотать леть* в черновиках стихотворения «К вельможе», где стих — «Ты леть его глотал — [. . .]»¹⁵ царей «напиток» (III, 807) в дальнейшем был заменен стихом «Ты леть его *вкушал* — царей одних напитков» (там же).

¹³ Сочетание *влачить венец* в поэтическом языке начала XIX в. отмечено еще у Лермонтова в стихотворении «Подражание Байрону» (1830—1831): «Не смейся, друг, над жертвою страстей, *Венец терновый я сужден влачить*» (М. Ю. Л е р м о н т о в. Сочинения в шести томах, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 268. Приведенный пример любезно указан мне Н. Н. Ивановой). Перифразу *влачить терновый венец* («страдать, мучаться») и в данном стихотворении нельзя признать поэтически удачной. Реальная несовместимость такого предмета, как терновый венец, и названного действия (влачить) сохраняет свою силу несмотря на то, что слова *венец терновый* и *влачить* разделены здесь словами *я сужден* и паузой цезуры, и разобщает возможное объединение перепоспых, символических значений этих слов.

¹⁴ Несомненно, каждый из перечисленных глаголов обладает своими ассоциациями, определяющими возможность его метафорического употребления и сочетаемость с другими словами. Так, например, Пушкин не воспользовался сочетанием *упьюсь по капле сладким ядом* (VI, 518), отмеченным в черновике «Письма Онегина». В этом сочетании внутренне противоречиво объединение *упьюсь по капле*; как прямому, так и метафорическому значению глагола *упиться* 'напиться до насыщения', 'насладиться до предела' не соответствует сочетание *по капле*. Ср. вполне возможное объединение *глотать по капле* при метафорически употребленном *глотать* в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне»: «*По капле, медленно глотаю скуки яд*» (III, 181).

¹⁵ Здесь пропуск.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965